

**Обзоры, объявления,
сообщения**

**СОЦИОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
ЕЕ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СКВОЗЬ
ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА**

Л.Г. ТИТАРЕНКО

11 – 17 июля 2010 года в Гетеборге (Швеция) состоялся очередной, XVII конгресс Международной социологической ассоциации (МСА) – самой массовой международной организации по социальной науке. Поскольку в глобальном мире все взаимосвязано, включая и поле научной деятельности, подобные масштабные конгрессы всегда интересны не только для представителей одной социальной науки, непосредственно организующей это мероприятие, но и для всех ученых, работающих в социально-гуманитарном исследовательском поле. По этой причине представляется необходимым рассказать о социологическом конгрессе для представителей философского знания. Тем более, что сама тематика XVII конгресса была обозначена довольно пространно – «**Социология в движении**». Она предполагала раскрытие динамики изменений внутри самой социальной науки, рассмотрение масштабов и существа «подвижек», которые имеют место в разных странах на локальном уровне и на уровне глобальных изменений (например, в какой мере изменения в социологии отражают изменения самой социальной реальности, насколько адекватные «выходы» из проблем предлагают). Главной целью научных дискуссий был поиск ответа на поставленную проблему – куда же движется современная социальная наука?

Напомню: МСА была создана в 1949 г. по инициативе ЮНЕСКО. Первоначально она объединяла только ученых из стран Запада. Однако ассоциация изначально мыслилась как инструмент кооперации, научного обмена идеями, средство сосуществования ученых разных стран, независимо от идеологии. Советские социологи появились на конгрессах значительно позже и выполняли не только научную, но и идеологическую миссию: мир находился в состоянии «холодной войны», а конгрессы позволяли осуществлять непосредственное общение между учеными, представлявшими противостоящие друг другу политические блоки. Поскольку в 1960-х советские социологи еще не имели своих «собственных» научных степеней, они были, как правило, философами по статусу и образованию, что не мешало им успешно работать в формате социологических конгрессов. Еще позднее, в связи с распадом системы колониализма, на конгрессах появились социологи из стран «третьего мира» – сначала как реципиенты западного знания, а потом и его создатели. Как правило, конгрессы проводятся в развитых странах Европы и Америки, хотя в 1970 – единственный раз – конгресс был проведен в социалистической стране (Болгарии), а позднее – 4 раза в развивающихся странах. В принципе, такое положение дел отражает саму историю дисциплины, которая зародилась в Западной Европе – на протяжении всего XIX в. развивалась

по-преимуществу там (остальные страны в лучшем случае заимствовали европейские достижения). В начале XX века «мировой центр» социологии переместился в США, где впервые были развернуты широкомасштабные эмпирические исследования, социология была поставлена на службу обществу и государству. Практически почти весь прошлый век можно рассматривать как период развития и доминирования американской социологии (лишь в конце века, по мнению ряда историков социологии, Западная Европа смогла вернуть себе лидерство в социологической науке). Сегодня все больше стран со всех континентов заинтересованы в сотрудничестве посредством МСА.

С организационной точки зрения, конгрессы МСА — это регулярно проводящиеся форумы, на которые собираются представители национальных социологических ассоциаций, являющихся членами МСА. Конгресс имеет общую тему, которую заранее выбирает Исполком МСА во главе с президентом. На конгрессе одновременно идут пленарные заседания различной направленности, работают многочисленные интегративные секции, исследовательские комитеты, рабочие и временные группы по интересам, в которых задействовано несколько тысяч ученых разных стран.

На конгрессе в Швеции зарегистрировалось для участия более 5 тыс. человек. Ученые из стран Первого мира составляли большинство (всего более 3,5 тысячи). Для сравнения: из США было более 500 человек, чуть меньше из Германии, Великобритании, Латинская Америка — около 400, страны Азии — около 500. Центральная и Восточная Европа была представлена 170 участниками (более половины — из Польши). Что касается социологов из стран бывшего СССР, их было немного (из России 111, и менее 20 из всех остальных). Одна маленькая и небогатая (по европейским меркам) Португалия прислала больше участников, чем все страны СНГ.

Означает ли это низкий статус социологии в странах СНГ и, шире, в бывших странах Второго мира, незаинтересованность в международных связях? Отчасти, наверное, и так: социально-гуманитарные науки переживают сейчас не самый удачный период развития. Большую роль играет также «фактор времени»: в странах Запада социология институционализировалась в XIX в., получила признание в университетах, поэтому количество кафедр социологии там значительно больше, а социологи непосредственно включены в процесс принятия политических решений (например, Гидденс консультировал британского премьера Тони Блэра, институты Евросоюза постоянно обращаются к социологам для изучения тех или иных проблем). Очевидны и другие причины: экономические (нехватка средств на широкое участие в международных конгрессах), культурные (плохое знание английского языка, являющегося рабочим языком конгресса), социальные (отсутствие корреляции между престижем социолога в своей стране и его участием в международных форумах, низкая заинтересованность научных учреждений и университетов быть представленными на конгрессе), собственно академические (низкая степень участия наших ученых в международных сравнительных исследованиях, результаты которых, как правило, и докладываются на конгрессах) и др. Россия пытается сохранить достаточно высокую представленность, продвигать своих ученых в международные организации, создавать новые исследовательские комитеты, готовить молодое поколение ученых к активной работе на международном уровне (на конгресс в Швеции приехала большая группа мо-

лодых российских социологов, для которых был получен спонсорский грант). Поэтому российские социологи — единственные из региона, кто представлен в руководящих органах МСА. Этот факт дает России шанс на выдвижение в повестку дня следующего конгресса тех исследовательских проблем, которые являются для нее актуальными, ибо повестка дня конгресса — это всегда поле для конкуренции стран, регионов, отдельных ученых и исследовательских подходов. На сегодня, с учетом распада СССР, проигравшего в «холодной войне», проблемы бывших стран социализма (включая Россию) очень мало представлены в научном сообществе на международном уровне. В целом, интереса к бывшему «Второму миру» на глобальном уровне уже нет, тогда как представители Индии, Бразилии и ряда других незападных стран пользуются большим вниманием международного социологического сообщества. Участие в конгрессе 30-ти социологов из Китая было преподнесено как колоссальный успех МСА (раньше граждане КНР не приезжали на конгрессы). Так политика (возможно, даже помимо желания руководства МСА) вторгается в сферу науки и диктует ей свои правила игры.

На сегодня труды ученых-общественников из России, СНГ мало известны на международной арене (за редкими исключениями, конечно), а их научные результаты, как правило, недооценены. Между тем, еще далеко не полностью проанализирован сам процесс разрушения СССР и его глобальные последствия. Не только иностранные ученые, но и представители постсоветского пространства в первую очередь должны быть заинтересованы и в философско-социальном осмыслении перемен, и в том, чтобы новые теории, созданные специально для России или региона, были позиционированы на международном уровне. Отдельные достижения в этом направлении бесспорны.

К числу российских достижений я бы отнесла теорию институциональных матриц С.Г. Кирдиной, которая связана как с концепцией К. Поланьи, так и с динамической моделью развития России А.С. Ахизера, теорию трансформационного процесса Т.И. Заславской, эмпирические наработки по экосоциологии, исследование элит и др. Распад СССР был знаменательной «глобальной переменной», достойной внимания социальных теоретиков всего мира. Концептуальное осмысление причин последовавших неудач России на пути «трансформации к рынку и демократии» также могло бы привлечь значительно больше западных авторов, чем это случилось в реальности (сопшемся на тот факт, что за прошедшие 20 лет не так много западных теоретиков поделились своим мнением по этому поводу на страницах российских журналов, а в мировой социологической периодике, например, эта тема уже сошла на нет. На заседаниях прошедшего конгресса в Гетеборге активно обсуждались такие социально-философские темы, как множественные модерны, осевые цивилизации, что позволяло Японии, Китаю, Бразилии оставаться постоянно на слуху. Но среди этих тем не нашлось специального места для российской цивилизации и тем более для вариантов цивилизаций постсоветских (только одна интегративная секция была посвящена странам БРИК, где была достаточно широко представлена Россия, но лишь как одна из стран этой группы). Может быть, уже пришло время создать свои собственные «региональные» теории, адекватно объясняющие постсоветскую реальность, и затем активно их отстаивать на международном уровне? Сегод-

ня, как вполне справедливо утверждает польский социолог П. Штомпка, уже «невозможно получить высокое признание в дисциплине, если писать только на своем национальном языке и публиковаться только в своей стране»¹.

Организационной кульминацией конгрессов являются выборы нового руководства МСА — президента, вице-президентов, исполкома. Как правило, трудно заранее определить, кого конкретно выберут на тот или иной пост. Между тем, от результатов этих выборов может зависеть многое: размер регистрационного взноса для участников из разных стран (он постоянно растет), конкретный отбор приглашенных докладчиков на будущий конгресс, число заседаний того или иного комитета, место проведения форумов и пр. Особенно всех интересует выбор президента.

Из 17 президентов МСА только два были из стран «Третьего мира» (представитель Бразилии Ф. Кардозо и Индии — Т.К. Оомен), один из тогдашнего «Второго мира», мира социализма (Я. Щепаньский). Только один раз президентом избиралась женщина — М. Арчер (Великобритания). Всего же лидерами мировой социологии пять раз становились представители США, 3 раза — Британии, по два — Франции и Польши, по одному разу — Италии, Швеции, Германии. Двух кандидатов на этот пост выдвигают заранее, из членов руководящих органов ассоциации (обычно либо из членов исполкома, либо из руководителей престижных исследовательских комитетов). Голосуют не все члены МСА, а довольно узкий круг представителей исполкома и национальных ассоциаций. В Гетеборге была интрига: в выборах участвовали кандидаты от США и Бразилии. До конца выборов было неясно, кому отдадут предпочтение — Майклу Буравому из университета Беркли (Калифорния, США) или Элизе Райс из университета Рио де Жанейро (Бразилия). Несмотря на то, что, как правило, выбирают нового президента не только за личные заслуги и предшествующую активную деятельность в МСА, но и с учетом «очередности» и удельного веса страны, которую он представляет (с этой точки зрения, страна из группы БРИК была более ожидаемой, как и женщина), больше голосов набрал американец, который и будет руководить ассоциацией в ближайшие 4 года. В порядке компенсации, наверное, среди новых вице-президентов большинство женщин, представляющих как «Первый», так и «Третий мир» (здесь МСА строго следовала принципу сбалансированного представительства регионов). России удалось увеличить членство в исполкоме: кроме Н.Е. Покровского, который и ранее там успешно работал, туда была избрана Е.А. Здравомыслова (оба — активные участники западных и мировых форумов, которые работают на уровне социальных теорий, выходя в своих исследованиях за рамки социологии).

Анализ организационных аспектов показывает, что мировая социология находится в процессе изменений, «перестройки», а не кризиса (в отличие от глобальной мировой системы). МСА продолжает расти: это уже не элитный клуб западных участников, а демократическое сообщество. Среди ее членов все больше становится представителей стран Азии, Африки, Латинской Америки. Их концепции достойны достаточно серьезного изучения. Эти авторы активно включаются в работу МСА, публикуются в международных изданиях на английском языке, выдвигая проблемы своего региона как более актуальные, требующие мирового внимания. Социология в полной мере стала глобальной. Что касается постсоветских социологов, им пора

реорганизоваться и не только изучать свое общество эмпирически (что на сегодня остается главной формой участия наших ученых в международных исследованиях), но и самим выдвигать, как минимум, адекватные теории среднего уровня, которые затем можно было бы обсуждать с коллегами из других регионов. Ведь и сегодня остается актуальным выдвинутый Р. Мертоном принцип науки — организованный скептицизм²: он требует свободных научных дискуссий, открытости к критике и готовности корректировать свои концепции по мере осознания имевшихся ошибок или получения новых научных данных. Только на фундаменте организационного скептицизма формируется и поддерживается международная репутация ученого, его научный престиж, достигается признание в мировом научном сообществе.

В работе конгресса принимало участие много известных ученых, предметную область исследований которых можно определить и как социологию, и как социальную философию, и социальную географию, историю, поскольку сближение социальных дисциплин, «размывание» их границ — закономерность сегодняшнего развития науки. На конгрессе в Гетеборге можно было встретить многих «мировых звезд» — кроме тех, которые из-за возраста (И. Валлерстайн), болезни (З. Бауман) или большой занятости (Э. Гидденс) не смогли приехать: А. Турен, М. Кастельс, Р. Коллинз, У. Бек, П. Штомпка, Д. Александер и многие другие, чьи имена также входят в список лидеров в своих областях социологического знания — Р. Сведберг, Э. Тириакийн, С. Сассен, Д. Урри, С. Уолби, Б. Виттрок, Г. Дэви, К. Калхун, С. Аржоманд, Р. Коннел. Уже этот факт позволяет считать конгресс квинтэссенцией развития современной социологической мысли, или хотя бы ее высококачественной презентацией. Каждый из мэтров выступал по своей «главной теме», поскольку все темы так или иначе находятся «в движении», изменении, т.е. соответствуют обозначенной на конгрессе проблеме «движения на марше». Поэтому обсуждение различных аспектов основной проблемы было разнообразным и интересным.

Было выделено пять подтем для пленарных заседаний, проходивших параллельно: насилие и конфликты, устойчивое развитие и экология, разнообразие и неравенство, действие и воображение, религия и власть. Трудно сказать, какая из указанных подтем вызвала больше внимания социологов: пленарные заседания были самыми посещаемыми. Каждое заседание предполагало полемику между докладчиками и подведение итогов дискуссионтом (хотя, как правило, никаких «окончательных решений» не было найдено, даже по тем вопросам, где это было крайне актуально, — например, по поводу путей решения арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке). На пленарных заседаниях выступали кандидаты в президенты, а также прежние, ныне здравствующие президенты МСА, участвовавшие в конгрессе (М. Арчер, А. Мартинелли, П. Штомпка), так как это является давней традицией конгрессов.

Уходящий с поста президента МСА Мишель Веверка выделил одну из главных, на его взгляд, тенденций современной социологии: отказ от всеохватывающих универсальных теорий, способных объяснить весь мир. Можно расценивать эту тенденцию как превалирование методологического индивидуализма над холизмом (конечно, это лишь тенденция, которая не означает, что больше не осталось универсалистов: методологический плюрализм позволяет социологам следовать любой парадигме, речь идет,

скорее, о росте интереса к локальному, конкретному в научном исследовании). Нынешние социологи менее амбициозны и больше ориентированы на микроуровень и отдельные проблемы, нежели на большие нарративы. Вместе с тем, для анализа своего конкретного предмета исследования они постоянно обращаются к другим социальным наукам. Стирается грань, которая отделяла социологию от антропологии, социальной психологии, политической и социальной философии, истории: их содержание вовлекается в процесс социологического исследования, а границы становятся подвижными. Исследуя социальное, социология должна также обращаться к культуре и религии, так как последние помогают по-новому осмыслить классические проблемы: эксплуатация, разнообразие, война, насилие и др. Однако социологи не могут и не должны обходиться без «общего видения» ситуации; поэтому задача состоит в том, чтобы создавать новые теории и подходы, которые позволили бы им этого достигнуть, не апеллируя к старым теориям, которые уже устарели (функционализм, феноменология). Данная тенденция свидетельствует об определенном «размывании» предмета социологии: это уже не только «социальное», но и «культурное», «политическое», «религиозное» (список можно продолжить). Насколько долгосрочной будет эта тенденция, с одной стороны, ведущая к расширению поля социологического исследования почти до бесконечности, включения в него все новых компонентов, а с другой — ставящая тем самым под вопрос самостоятельный статус социологии как науки о социальном? И не приведет ли эта тенденция к превращению социологии в исследовательское поле междисциплинарных исследований?

Вторая знаменательная тенденция, отчетливо проявившаяся на конгрессе: укрепление взаимосвязи социологии и естественных наук. Современная социология не может обойтись без опоры на естественные науки. Изучая социальное, мы должны исходить из факта, что общество — это часть природы. Поэтому законы природы всегда лимитируют социальные процессы, ставят им естественные рамки, что, однако, не подменяет социальное природным, а предполагает их гармоничное соединение в науке. Большое внимание к естественным наукам, окружающей среде — вероятно, и отражение кризисного состояния, переживаемого сегодня миром, и продолжение традиций, которые в последней трети прошлого века активно развивал так называемый Римский клуб: созданные под его эгидой доклады имели междисциплинарный характер и послужили международному сообществу тревожным сигналом о необходимости срочных измерений — и в науке, и в мире. Именно признанием необходимости дальнейшего сближения социальных и естественных наук был обусловлен тот факт, что на первое пленарное заседание конгресса был приглашен с докладом Нобелевский лауреат в области химии, тайваньский профессор Х.Т. Ли, который и подчеркнул идею единства наук о природе и обществе. Забвение этой связи и «естественных пределов» человеческой деятельности приводит к катастрофам (например, к допущению обществом разрушительных глобальных климатических изменений ради увеличения прибыли).

Обе указанные тенденции подтверждают: современный глобальный мир требует глобального мышления, которое позволяет аналитически соединять разные подходы, взаимообогащает их содержание, а также (и это, возможно, главное сегодня) позволяет социологам предлагать конкретные пути решения

проблем, делает их научную деятельность общественно полезной, не замкнутой в «башне из слоновой кости», называемой академической наукой.

М. Кастельс в докладе «Сетевые войны в сетевом обществе» предложил свою теорию войны в новых условиях, показал, как изменяется само представление о войне, действия ее участников, а также последствия таких войн. Сетевые войны в еще большей степени могут увеличить неравенства, существующие между странами по экономическим и политическим причинам. Таким образом, власть, которую получили или могут получить в сетевом информационном обществе отдельные акторы, поистине велика (так, даже журналисты, которые обнародовали и открыли для свободного доступа секретную информацию Пентагона об операциях США в Афганистане и Ираке, т.е. использовали метод сетевого шпионажа, нанесли огромный ущерб американской армии, а ведь речь идет о единственной в современном мире супердержаве». Даже такая страна не может обеспечить себе «сетевой» безопасности, что же остается говорить о более слабых?).

В своем докладе «Исторические изменения и вызовы социологии» **Э. Райс** также показала новые проблемы, проистекающие из тех изменений, которые произошли в современной реальности. Например, раньше считалось бесспорным, что демократия обеспечивает прогресс общества, т.е. его движение вперед. Сегодня необходимо переосмыслить развитие демократии в мире, так как в ряде случаев нет причин считать демократию источником или даже условием экономического или социального прогресса. Выступавший на пленарном заседании директор института социологии Китайской Академии наук **Пейлин Ли**, например, доказывал на основе масштабных эмпирических данных, что твердая государственная власть Китая (которую весьма проблематично считать демократичной) обеспечила стране процветающую рыночную экономику, рост благосостояния, увеличение численности «среднего класса», т.е. те результаты, которых не могут добиться некоторые вставшие на путь либеральной демократии посткоммунистические страны. Очевидно, что современный мир чрезвычайно усложнился, поэтому те вопросы, которые, казалось, были давно решены в классической социологии, теперь переосмысливаются по-новому, требуют иных подходов, с учетом нового культурно-исторического контекста. Это по-своему продемонстрировал и **Р. Коллинз**. Он показал правомерность использования микросоциологического подхода и индивидуалистической методологии в социологическом исследовании насилия и на конкретных примерах продемонстрировал различные методические приемы, которые помогают социологу добиться при таком исследовании валидных результатов.

Нельзя обойти вниманием и многочисленные и плодотворные дискуссии по проблеме «**Религия и власть**». Прежде всего, факт отказа от теорий секуляризации уже никем не оспаривается. Напротив, стало «общим местом» в социологии утверждать, что религия по-прежнему играет весьма важную роль в обществе (и не только, например, фундаменталистская версия ислама в арабских странах, но и другие конфессии). Этот тезис, впрочем, как показал **Х. Йоас**, не означает, что в мире не осталось предпосылок и стимулов к секуляризации; просто эти два процесса не взаимоисключающи. Во-вторых, религия больше не рассматривается как часть системы культуры: поднимает-

ся проблема необходимости их методологического и предметного разграничения. В-третьих, социологи отказались от признания того, что рационализм эпохи Просвещения неминуемо вел к закату религиозности; утверждается, что религиозность может уживаться с рационализмом, который оставляет за первой значительное пространство действия. Дискуссии вызвали следующие вопросы: превращается ли ислам в наиболее агрессивную религию современности; потеряло ли свою привлекательность христианство; как соотносятся мировые религии с новыми религиозными движениями и т.п. Было рассмотрено и много частных проблем. Так, **Х. Казанова** показал, чем отличаются сходные, на первый взгляд, понятия секулярное и профанное, сакральное и религиозное, и почему их нельзя употреблять как синонимы. Ясно, что проблематика социологии религии находится сегодня в фокусе внимания мировой социологии.

Нельзя не упомянуть работу исследовательского комитета по исследованию теории и практики отчуждения. Он объединяет, скорее, теоретиков, социальных философов, поскольку сама тематика требует обращения к трудам Гегеля, Маркса, представителей Франкфуртской школы и т.п. Полагаю, российским ученым будет небезынтересно узнать, что многие члены данного исследовательского комитета — убежденные западные марксисты. Среди них много тех, кто блестяще знает работы и Маркса, и западных марксистов (здесь по-прежнему иконографической фигурой является Грамши), и советских философов разных времен, умеет применить теорию отчуждения к практике исследования современности. Для них теория отчуждения сохранила свою актуальность и продуктивность: на ее основе исследуются самые разные социальные процессы — от традиционной сферы труда до музыкальной субкультуры и повседневной жизни. Думается, что такое уважительное и лишенное политической конъюнктурности отношение к марксизму может служить хорошим примером и для ученых, живущих на постсоветском пространстве.

Активное обсуждение актуальных проблем современности, которое собрало вместе такое большое число социологов всего мира, поневоле наталкивает на не новый уже вопрос о роли социолога в современном мире и его взаимоотношениях с практикой. На этот счет нет единой позиции. Одни по-прежнему считают, что социолог — прежде всего, теоретик, который призван объяснять происходящее и излагать свои идеи в публикациях, быть «выше реальных процессов». Другие утверждают обратное: подобно Ч.Р. Милсу, социолог должен учить общество, как соединять теорию с практикой для того, чтобы совершались реальные социальные изменения. Наконец, есть мнение, что социолог — это квалифицированный эксперт, который продает свои знания клиенту-заказчику, поставляя тому необходимые данные. Среди нынешних социологов можно легко найти представителей каждой из этих позиций. Интересно отметить, однако, что и Мишель Веверка, и Майкл Буравой придерживаются активной позиции в профессиональной деятельности, т.е. считают социологию инструментом социальных перемен, а самого социолога — публичной фигурой. По их мнению, социолог не должен оставаться равнодушным к тому, что он изучает, и как будут использованы его результаты. Как подчеркнул Веверка, «производство социологических знаний и проверка их релевантности на практике должны осуществляться

как единый процесс»: социолог не только конструирует фундамент для принятия практических социально-политических решений, он может сам предложить практические шаги по реализации своих идей, дать рекомендации для практических политиков. Между прочим, именно такую задачу перед европейскими учеными в области социальных наук ставит Европейская Комиссия: наличие рекомендаций, релевантных политической практике (необходимых для решения тех или иных социальных проблем), внедрение рекомендаций — непереносимые условия проведения всех исследований, финансируемых Еврокомиссией.

В принципе, в этом нет ничего нового: ученые всегда заинтересованы в доведении своих исследовательских результатов до практики. Особый акцент на практическом внедрении результатов означает, что как бы ни хороша была теория, она должна служить практике. Видимо, все-таки каждый ученый сам должен решать, какую роль для себя он изберет в обществе — публичного трибуна, эксперта или академического ученого, увлеченного поиском истины.

Подводя итог краткого анализа прошедшего конгресса, можно резюмировать: социология достаточно успешно развивается сегодня уже не только в странах Запада, но и во всем мире. Впереди ее ожидают новые изменения, повороты, которые неизбежны в связи с постоянным изменением самого общества и усложнением институциональной структуры дисциплины. Постоянное осмысление происходящих перемен как в науке, так и в обществе — базовая функция, присущая социальной науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Штомпка П. Одна социология или много? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. — С. 46.

²Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М.: Хранитель, 2006. — С. 770.